

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ТЕАТРАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Выходитъ еженедѣльно по воскресеньямъ съ рисунками и портретами.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: въ С.-Петербургѣ и провинціи на годъ 6 руб., за полгода—3 руб. 50 коп. (съ доставкой и пересылкой); за границу 10 руб. въ годъ. Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“ (Невскій 40), въ Москвѣ у С. Ф. РАДЗОВСКИНА (Тверская, Георгиевскій пер., д. Пушкина). Изящныя подписки высылаютъ также А. А. ПИЩЕВУ в С.-Петербургѣ, Морская, 50). Объявленія адресуются А. А. ПИЩЕВУ. Цѣна за строчку 60 коп.

ПРАВИЛА РЕДАКЦІИ: НИКАКИЕ РУКОПИСИ НЕ ДОЛЖНЫ ПРЕВЫШАТЬ 150 строкъ КОРПУСА И, ВЪ СЛУЧАѢ НЕДОУМѢНІИ, АВТОРАМЪ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ. Статьи безъ опредѣленна условія печатаются **БЕЗПЛАТНО**, статья безъ указанія адреса считается не помѣщаемой.

Статьи, которыя и мѣсть просить **НЕ ДОСТАВЛЯТЬ**, потому что редакція располагаетъ достаточнымъ запасомъ. Личное объясненіе съ редакторомъ или его помощникомъ по средамъ отъ 4 до 5 ч. (Морская, 50).

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА „Дневника Петербургскаго Театрала“ въ С.-ПЕТЕРБУРГѣ во всѣхъ газетныхъ кіоскахъ В. А. Пташниковъ, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (Невскій 40), М. В. Попова (у Аничкова моста), на конюлахъ жем. дороги, у галстичниковъ. **ВЪ МОСКВѢ**—у С. Ф. Радзовскаго (Тверская, Георгиевскій пер., д. Пушкина), у Анисимова (Петровский мостъ), въ кіоскахъ Прохорова и др. **ВЪ КИЕВѢ**—у В. Н. Стручкова (у Крещатики и Литератской, газетный кіоскъ). **ВЪ ХАРЬКОВѢ**—у артеля газетчиковъ и у напечатальникова, типографъ. Желаніе могутъ обращаться къ П. В. Харвскому (Пушкинская, 2), **ВЪ ОДЕССѢ**—у Сивининой и у З. Алтшуллера. **ВЪ КАТЕРИНОСЛАВѢ**—у Ейсмана (Промыслъ). Во всѣхъ провинціальныхъ отдѣлахъ магазина „Новаго Времени“.

ПРІЕМЪ ПОДПИСКИ: КИЕВЪ. Книжный и музыкальный магаз. ЛЕОНА ИЛИНСКОГО. Крещатикъ, д. 28. За переписку адреса съ городовъ, въ городовъ, изъ городовъ, на городовъ, изъ городовъ, уплачивается—25 к., за переписку съ городовъ, въ городовъ—1 руб. и съ изгородей, за городовъ—50 к. Необходимо прилагать старыя бандероли или сообщать прежній адресъ.

ОБЪ А. П. ЧЕХОВЪ.

(Страничка воспоминаній.)

Бываютъ случаи, когда — увы! — журналистъ поневолѣ лжетъ. Онъ лжетъ потому, что необходимо лгать.

И я лгалъ, когда возвратился въ сентябрѣ изъ Москвы, гдѣ видѣлся съ Антономъ Павловичемъ. Я говорилъ, что онъ чувствовалъ себя хорошо и выглядѣлъ бодро. Чеховъ прочелъ мой разговоръ съ нимъ и убѣдился, что я повторилъ сказанное ему въ глаза.

Могъ ли я сказать ему другое? Конечно не могъ и не смѣлъ. Антонъ Павловичъ поразилъ меня прежде всего тѣмъ, что страшно состарился, лицо изморщинилось и пожелтѣло. Тѣмъ не менѣе, общее впечатлѣніе все таки оставалось такое, что о развѣиваніи и рѣчи быть не могло.

Незадолго передъ нашимъ свиданіемъ, я обратился къ А. П. Чехову съ просьбой принять участіе въ «Петербургскомъ Дневникѣ Театрала». Въ отвѣтъ на это я получилъ телеграмму: «Очень радъ, сочувствую вполне, но погодите, — теперь боленъ. Пришлю въ январѣ рассказъ или водевиль. Кланяюсь, жму руку. Чеховъ».

Въ Москвѣ Чеховъ, когда пріѣхалъ ставить «Вишневый садъ», никого почти не принималъ; ему не давали покоя. Поэтому прежде чѣмъ отправиться къ Антону Павловичу, я написалъ ему, могу ли видѣть его. Мнѣ хотѣлось поговорить именно по поводу его участія въ моемъ журналѣ.

А. П. Чеховъ отвѣчалъ мнѣ письмомъ, изъ котораго видно, какъ онъ былъ занятъ въ то время. Приножу это письмо: «Былъ бы очень радъ пови-
даться съ вами, потолковать, вспомнить старину. Я бываю дома утромъ отъ 10 до 12½, затѣмъ — въ художественномъ театрѣ на ренетиціи до 4, потомъ я опять дома, а въ 8 час. опять въ художественномъ театрѣ на спектаклѣ. Я вѣдь не ви-

дѣлъ пьесъ и теперь намѣренъ поглядѣть ихъ. Не видѣлъ ни «На дѣѣ», ни «Юлія Цезаря», ни «Столповъ», не былъ даже въ Маломъ театрѣ; постарайтесь повидаться со мной. Или у меня побывайте, или дайте знать, въ какомъ часу можно застать васъ».

Разговоръ мой съ Чеховымъ записанъ и напечатанъ въ № 1 «Петербургскаго Дневника Театрала» (1904 г.). Къ огорченію моихъ читателей и моему, конечно, Антону Павловичу не пришлось появиться на страницахъ моего журнала. Водевилъ былъ задуманъ Чеховымъ, но я не знаю, написанъ онъ или нѣтъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ я былъ у Антонова Павловича въ Ялтѣ. Тамъ онъ дѣйствительно выглядѣлъ хорошо и чувствовалъ себѣ свосно, хотя мысль о чахоткѣ преслѣдовала его. Онъ говорилъ о своемъ кашлѣ, рассказывалъ, что обнаружены коховскія бациллы, поминутно плевалъ, поглядывая нѣтъ ли крови.

Чеховъ жилъ не въ самой Ялтѣ, а въ нѣсколькихъ минутахъ ѣзды отъ нея, въ деревнѣ Ауткѣ. Эта деревня въ сущности та же Ялта и представляетъ собою продолженіе узенькой, тянущейся въ гору, извилистой улицы — Аутской. Антоновъ Па-

вловить построилъ въ концѣ деревни, на горѣ, небольшой каменный домикъ, съ террасы котораго, выходящей въ садъ, раскрывается видъ на красивѣйшій горный пейзажъ и Черное море. Садикъ тогда еще не разросся, но современемъ онъ совершенно скроетъ домикъ отъ сосѣдней дороги. Чеховскій домикъ—это милый уголокъ. Именно уголокъ, а не вила, не дача, плѣняющая насъ особенной красотой, стилемъ,—словомъ, чѣмъ-нибудь выдающимся. У Чехова было уютно, мило и дарила тишина, соблазнительная тишина, тогда какъ ближе къ Ялтѣ такой шумъ, крикъ, скригъ колесъ, что трудно разговаривать.

Въ маленькомъ кабинетѣ Чехова безпорядокъ составлялъ главную достопримѣчательность; рукописи, книги, портреты безъ рамокъ, Левъ Толстой въ нѣсколькихъ видахъ, Суворинъ, Григоровичъ, Половскій, А. Н. Плещеевъ, В. Комиссаржевская, Горькій, Васнецовъ и т. д. Каминъ былъ украшенъ пейзажемъ Левитана, представляющимъ сѣнокосъ ночью; вблизи этотъ пейзажъ казался какими-то зелеными пятнами, а издали дѣйствительно смахивалъ на сѣнокосъ.

На стѣнѣ въ кабинетѣ я замѣтилъ прибитое печатное объявленіе: «Здѣсь просятъ не курить».

Засталъ я Антона Павловича въ одиночествѣ. Во флигелѣ у него жилъ слуга, а въ домѣ никого, кромѣ хозяина, да позванивавшего частенько телефона. Чеховъ читалъ письмо.

— Представьте, получилъ сейчасъ письмо отъ покойнаго Александра Ивановича Урусова,—улыбаясь обратился ко мнѣ Антонъ Павловичъ. Князь Урусовъ просилъ одного господина передать мнѣ это письмо отъ 13-го мая, а мнѣ доставили

его сегодня. Милое, остроумное письмо съ того свѣта...

Антонъ Павловичъ прочелъ нѣз письма покойнаго Урусова нѣсколько строкъ: «Я по болѣзни никуда не могу выходить, сижу дома, но не развожу нюней и думаю себѣ—ну Ваганьково, такъ Ваганьково. Врачи однако утверждаютъ, что нѣтъ «непосредственной» опасности для жизни. И въ самомъ дѣлѣ: затяжное воспаленіе по сосѣдству съ головнымъ мозгомъ—что тутъ опаснаго?»

Урусовская иронія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это равнодушіе къ тяжелому положенію отлнчно рисуютъ спокойный характеръ Александра Ивановича.

— Отъ времени до времени мнѣ случалось встрѣчать въ газетахъ разговоры разныхъ лицъ, посѣщавшихъ васъ, Антонъ Павловичъ. Васъ не забываютъ?..—спросилъ я Чехова.

— Я читалъ, — отвѣчалъ онъ добродушно, — даже разговоры со мной лицъ, которыя совѣмъ у меня не бывали. Въ одной бесѣдѣ въ «Петерб. Газетѣ» напечатали, будто я сказалъ «покойный Левитанъ», тогда какъ онъ покойнымъ еще не былъ п сказать я этого не могъ.

— Вы не возражали, вообще вы не охотникъ, насколько я знаю, до возраженій въ печати.

— Возразишь, опять, пожалуй, и мнѣ возра-
зять что-нибудь и завлечется никому не интерес-
ная полемика.

Объ Ялтѣ Чеховъ отзывался такъ: «Хорошо, кра-
сиво»,—говорилъ онъ,—«даже въ декабрѣ встрѣ-
чаются такіе чудные дни, какъ сегодня, хотя ко-
нечно бываетъ скучновато... однообразно. Разу-
мѣется, если пріѣхать сюда, да ничего не дѣлать...
день—другой—и повѣсишься».

Чеховъ собирался тогда ненадолго въ Москву,
ставить «Трехъ сестеръ», потомъ ѣхать за-гра-
ницу, на Ривьеру, а потомъ совершить путеше-
ствіе по Африкѣ...

«Чувствую»,—говорилъ онъ, «что засидѣлся, на-
нять подальше. Въ концѣ мая я ѣздили съ Горькимъ
и Васнецовымъ на Кавказъ, любовались Военно-гру-
зинской дорогой, были въ Мцхетѣ, Тифлисѣ, Ба-
тумѣ... Я третій разъ путешествовалъ по Кавказу.
Ялту я нерѣдко покидаю на день, на два... на-
скучить—отправляюсь на пароходѣ въ Гурзуфъ...
я море очень люблю!»

Въ Ялтѣ Антонъ Павловичъ былъ очень попу-
ляренъ. Я не говорю о немъ, какъ о писателѣ, но
его знали кромѣ того, какъ здѣшняго жителя, такъ
сказать «своего». Его называли «нашъ Чеховъ».

«— Читали про нашего Чехова?» приходилось
мнѣ слышать, какъ будто Чеховъ мѣстный уроже-
нецъ. Въ окнахъ магазиновъ портреты и книги
Чехова. Словомъ, домикъ Антона Павловича Че-
хова, должно быть, занесли въ «Путеводитель по
Ялтѣ», какъ достопримѣчательность.

Чеховъ работалъ не въ примѣръ большинству
русскихъ литераторовъ, по утрамъ, до двѣнадцати
часовъ дня. Иногда, впрочемъ, по старой при-

вычкъ занимался и по вечерамъ, но не до поздней ночи.

Былъ у Анто́на Павловича еще уголокъ въ Гурзуфѣ, куда онъ ѣздилъ работать; но туда ни одинъ гость, кажется, къ нему не проникалъ. Чеховъ молчалъ объ этомъ уголкѣ, скрывалъ его.

Въ эту хижину Анто́нъ Павловичъ забирался, чтобы скрыться отъ глазъ людскихъ, чтобы обрѣсти спокойствіе и поработать.

Кругомъ хижины раскинуты такіе же домики. Около обрыва, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ хижины, шумятъ волны...

— Никому не говорите объ этомъ уголкѣ!— просилъ меня Чеховъ.— Никто не знаетъ, что у меня здѣсь земля и избушка.

Хотѣлъ мнѣ Чеховъ показать внутренность хижины, но дворника не было, а ключи онъ унесъ съ собою. Смотрѣли сквозь стекла двери и оконъ.

Въ Гурзуфѣ мы обѣдали, слушали военную музыку и возвратились въ Ялту къ вечеру.

Послѣднее письмо отъ Анто́на Павловича я получилъ 5-го февраля нынѣшняго года; онъ собирался, по его словамъ, въ одинъ изъ первыхъ дней поста въ Ялту.

—
Вся литературная дѣятельность А. П. Чехова прошла на моихъ глазахъ. Чеховъ всегда бывалъ въ моей семьѣ, я бывалъ у Чехова, словомъ—приходилось встрѣчаться часто. Помню я Чехова, начинавшаго работать въ «Пет. Газетѣ»; помню, какъ Н. А. Лейкинъ громко говорилъ: «господа, я Щедрина новаго открылъ» и рекомендовалъ его Худекову.

Д. В. Григоровичъ рассказывалъ мнѣ, что онъ прочелъ Чеховскій рассказъ, если память не измѣнила, «Егерь», появившійся въ «Петербургской газетѣ». Дм. Вас. отправился съ этимъ рассказомъ къ А. С. Суворину—и о Чеховѣ заговорили. Вся первая половина литературной дѣятельности Чехова была неразлучна съ нуждой. Однако, нужда не угнетала особенно Анто́на Павловича: онъ жаловался на нее какъ-то добродушно. Въ позднѣйшее время, когда Чеховъ иронически называлъ себя «рантьеромъ», онъ нисколько не отличался отъ прежняго Чехова: потребности его не увеличивались, а только деньги скорѣй расходились.

Чеховъ юноша, Чеховъ 30 лѣтъ, Чеховъ въ 40 лѣтъ былъ все однимъ и тѣмъ же родинѣмъ, откровеннымъ и симпатичнымъ человѣкомъ.

А. Плещеевъ.

Комментарий

Не видел... «Столпов»... – Имеется в виду драма Генрика Ибсена «Столпы общества» (1877), которую МХТ поставил в 1903 г.

Урусов Александр Иванович (1843–1900) – юрист, адвокат. Переписывался с Чеховым.

Худеков Сергей Николаевич (1837–1928) – драматург, беллетрист, редактор-издатель «Петербургской газеты».